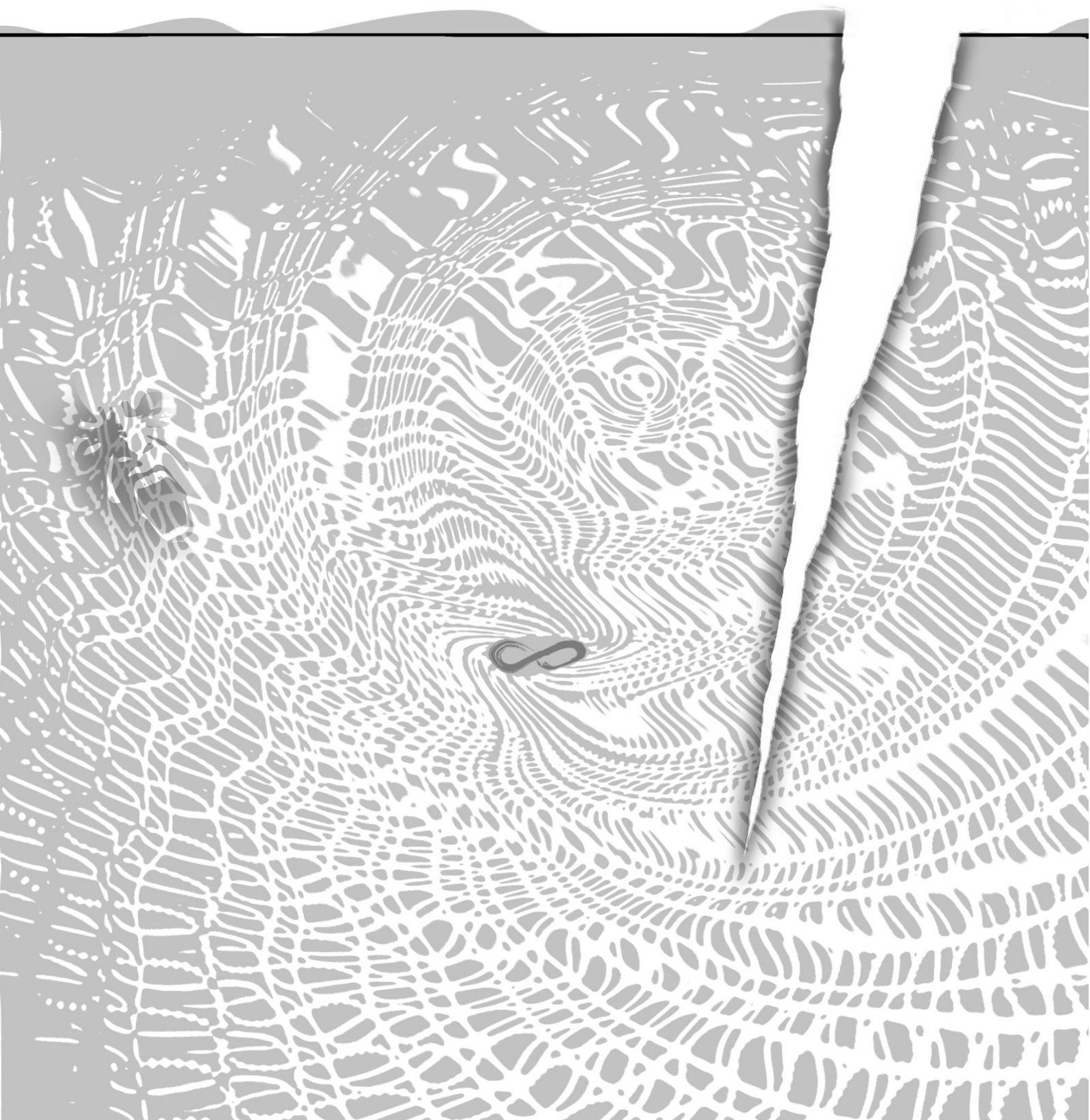

ИСХОДНЫЙ КОД

Семен Грила

Исходный код

Китаев сказал: «Главное — ничего не придумывать и не добавлять от себя». Так и поступили.

Достали все имеющиеся исторические книжки — от шумерских хроник, вавилонских библиотек и дневников участников полётов на Луну или Марс до воспоминаний корпоратов о том, как всё было при трансграничных переходах. Заправили всё это в машинку, переводящую буквы в цифры и обратно. Получили пошаговую инструкцию по усовершенствованию и воссозданию всего, что было и как. Мистификация требовалась филигранная на всех этапах, иначе будущее не поверит.

А началось всё с того, что потеряли ключ связи с реальностью — код, как тут его называли. Верхушка корпоратов заигралась в потусторонних мирах, моделируемых на первооснове нашей собственной системы, и кто-то что-то там не так нажал — связь с миром как бы перестала работать в режиме онлайн. Ну, это так, как бы называлось «онлайн». Упрощённо. На самом деле всё было немного сложнее, и коммуникативные кривые должны были сходиться правильно, бесконечно правильно, если можно это понять.

Теперь же было чувство некой рассогласованности, конечности этих процессов. И главное, что мучило их, — это неизвестность про последствия асинхрона.

Когда главы корпораций, они же корпораты, поняли — нет, не так: когда они почувствовали себя слегка неуютно от чего-то, что не могли объяснить, они стали советоваться путём сложной многоступенчатой переписки, в результате которой, после взаимных обвинений в степени и глубине заблуждений о существе дела и бесстыдном использовании ресурсов всех для индивидуальных азартных, очевидно, игр, приведших к столь плачевному итогу, всплыла фамилия Китаев.

Он разберётся со всем этим, решили они, после того как все согласились с его кандидатурой.

Его нашли, что было непросто, потому что он отсутствовал на Земле. Ну, как отсутствовал — пиджак висел на кресле, но сам он был на другой стороне Луны, куда не проходит сигнал. Пришлось кому-то лететь — уговаривать и привозить.

— Итак, — сказал Китаев, глядя в мониторы, транслирующие изображения великих, — вы потеряли код?

Он засмеялся.

— Я правильно вас понял? А резервное копирование? Тоже? Как могло такое случиться? Неуверенные пользователи? Серьёзно? Я думал, вы уверены во всём.

— Ну хватит, — сказал один из великих. — У вас появился шанс доказать всем масштаб ваших умений и навыков. Впечатляйте нас. И чем быстрее, тем лучше. Пока все не догадаются, в каком мы положении, верните нас нам.

— Нет, — возразил Китаев, — не вас вам. Вы хотите, чтобы я вернул вам нас.

— Вы что, левак?

— Нет, я просто... Логика. Параллельные прямые. Трава зелёная. Небо синее.

— Я где-то это уже слышал. Правда, где вы видели зелёную траву? Теперь! А синее небо? — это сказал кто-то из корпоратов.

Видно было: говоривший это обладал самоиронией и, наверное, не был простым постлибералом. Китаев попытался его запомнить. Он может пригодиться, подумал Китаев. Или нет. Там видно будет.

— Я думал, здравый смысл вам не доступен, — сказал Китаев и снова засмеялся.

— Когда вы поймёте масштаб разрыва, не забудьте нам сообщить. Да, и секретность. Кроме нас, никто не должен знать.

— Так не пойдёт, — сказал Китаев. — Мне придётся привлекать ресурсы и людей. И не только людей, но и прототипы.

— Хорошо, но строго проверенных.

— Непременно, — согласился Китаев. И хотел спросить, кому сдавать расписки о неразглашении, но корпораты одновременно отключились.

В одном месте, что ли, сидят? Не может же такого быть. Интересно. Это тоже игра асинхрона? Побочка? Смешно. Хотя...

Дальше Китаев не мешкал. Отправился к себе. У него был этаж в одном из небоскрёбов в центре, там он связался с Уникумом. Так звали прототип Тьюринга. Не до конца ещё отлаженный, но использовать можно. И задал ему простой вопрос: что делать при вот таких исходных данных? Описал происходящее. Послал файлы. Корпораты расщедрились и отдали ультракороткие каналы глобальной связи. Они были широкими, как реки, и быстрыми, как ракеты. Обмен произошёл мгновенно. Даже сам Китаев удивился.

Тьюринг долго не думал и сказал, что ничего хорошего, скорее всего, не выйдет, всё упрётся в синхронизацию картинок, даже если попробовать убедить космос, что ничего не случилось. Пройдёт время — и гэп будет всё заметнее, а последствия — несчитаемыми.

— Я могу представить подробности завтра, если мне отдадут мощности квантового центра Манхэттена, — сказал прототип Тьюринга.

Китаев спросил корпоратов, те согласились почти не раздумывая.

— Бери, что надо, — сказал один из них. — Мои ресурсы посчитали возможные сценарии, и даже это ужасает. Разрыв — он множит улики. Каждую секунду. Когда Вселенная поймёт?

Китаев не верил никому. Не в том смысле, что корпораты ввали, а потому что они не понимали, что происходит. Он и сам не понимал. Нужен был кто-то, кто бы попытался объяснить. Прототип Тьюринга помог, но не во всём.

Что случится, если управляющая и владеющая верхушка исчезнет для остального мира? И наоборот — что будет происходить там, где останутся одни корпораты? Где вообще проходят границы отдельных зон?

Китаев смутно припоминал, что читал когда-то одного немца — как же его звали? Пошарил в Сети: Никлас Луман. Он связался со знакомыми социологами или лингвистами — точно не знал, кто они. Ему ответили, что Луман умер, и порядочно уже как, но его прототип создали, и хорошего качества. Китаева соединили. Он послал файлы.

Никлас реагировал, как Тьюринг. Смеялся. Потом сказал, что ничего нерешаемого в задаче нет, если не пытаться обратно стыковать нестыкуемое.

— Это как? — удивился Китаев.

— Распад произошёл, и его не вернуть. Инфляция смыслов. Понимаете?

— Ну, в общих чертах.

— Вы имеете сейчас на руках отдельно живущие части социума. Фракталы. Они продолжают двигаться. Это движение порождает

инфляцию, как и любое движение. Точки зрения расходятся, и картинка видна по-разному. Сначала немного, потом больше.

— А хорошие новости есть? — спросил Китаев.

— Конечно. Вы должны поддерживать коммуникации в том виде, в каком они были до разрыва. Если сможете, то для частей ничего не изменится. Они увидят что-то иное, если изменятся коммуникации,
— Луман остановился.

— Что? — Китаев нервничал.

— Не волнуйтесь, — сказал Луман. — Ведь мира в том виде, каким он был и за который вы переживаете, давно нет, а вы не заметили. Возможно, этот код или какой-то другой исходный материал уже терялся сто раз — и никто не понял и не заметил.

— Так это меняет дело. Не нужно добиваться того, чего давно нет,
— обрадовался Китаев. — Я должен просто держать картинку? А сколько?

— В этом-то и проблема, — печально произнёс Луман. — Всегда.

— То есть это навсегда?

— Ну конечно.

— Но у меня есть...

— Знакомые в другом фрактале? — Луман понял беспокойство Китаева.

— Ну типа того, — Китаев смотрел на экран, не моргая. — Жена, дети.

— Перетащите, в чём вопрос.

— Значит, непроницаемости нет?

— Не на этом этапе. Потом, наверное, будет. Я не физик.

Они разъединились.

Китаев читал ответ прототипа Тьюринга. Он писал, что задача вряд ли решается в короткое время, и значит, нужно держать мир погружённым в иллюзию.

— Если это удастся, код, возможно, вернётся сам.

Китаев удивился. Очень.

— Как такое возможно? — спросил он у прототипа Тьюринга, когда они соединились.

— За счёт расширения количества сценариев до бесконечности.

— Я не смогу воспроизвести бесконечность.

— И не надо, — сказал Тьюринг. — Ведь никто не знает, что это такое. Поддерживайте, образно говоря, огонь — и вечность придёт сама, а мир решит, что это бесконечность.

— Я не такой умный, — ответил Китаев.

— Запихают вас в цифровую коробку, тогда посмотрим, кто тут умный, — сказал Тьюринг.

Китаев держал мир. Корпораты наслаждались своим положением властителей. Остальные — в своих коммуникационных вселенных — жили свою жизнь. Все были вроде довольны, всё было как всегда, но что-то было не так. Похоже, в этот раз все заметили, что что-то изменилось. Червь сомнения ковырял коллективно бессознательную плоть рабочих фракталов и элитные закоулки корпоративных воротил.

— Что дальше? — спросили Китаева корпораты на очередном общем митинге.

Китаев пожал плечами.

— Чего вам сейчас не хватает? — спросил он.

— Уверенности, — ответили они.

— В чём?

— Что всё по-прежнему под нами.

— Надёжности не чувствуете?

— Ну да.

— Хорошо, я повышу градус оценок ваших действий по обеспечению всеобщего счастья.

— Этого будет достаточно? — поинтересовались они.

— Посмотрим, — ответил Китаев. — Мы же не знаем пока точно, сколько у нас ресурсов для будущего, которое нужно уверить в нашем настоящем.

— Швы? — спросили они.

— Да, — сказал Китаев. — Поменьше мелите языками.

— Мы постараемся, — уверили они.

Швы волновали Китаева. Они всё больше мешали видиться с семьёй. Загрязняли чистоту фракталов. Путали его самого.

Корпораты, как малые дети, бродили туда-сюда в своих медиавселенных в попытках убедиться в реальности нереального.

Тревога. Она носилась в воздухе. Но Вселенная пока верила. Не отдавала код, но и не уличала в его отсутствии.

А потом наступила бесконечность, но Китаев этого уже не узнал.